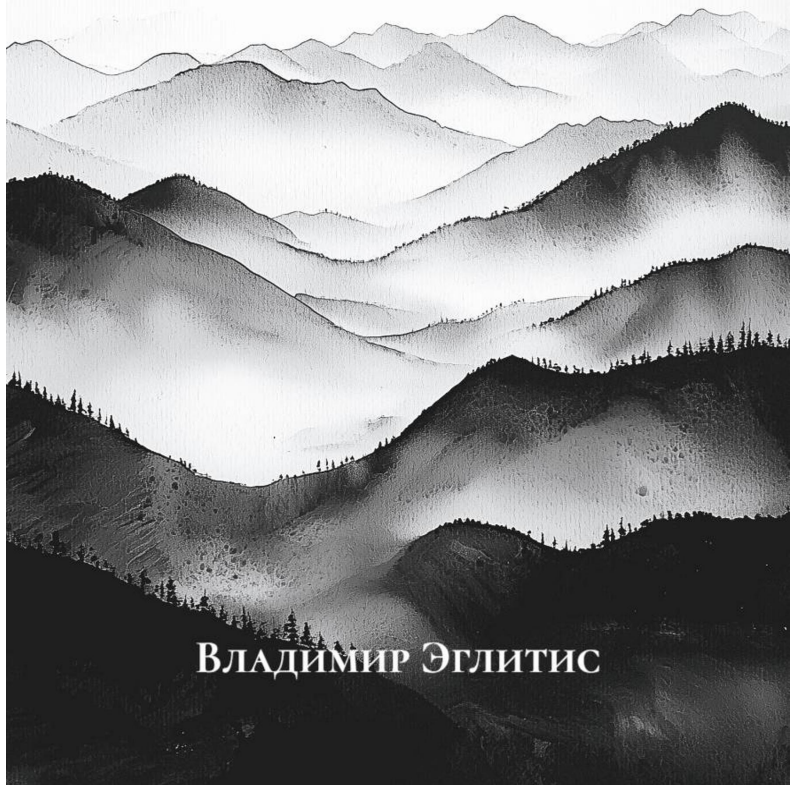

Будущее, которого может не быть

Владимир Эглитис

Владимир Эглитис

Будущее, которого может не быть

<https://litres.ru/74304382>

SelfPub; 2026

Аннотация

Будущее исчезает не тогда, когда прекращаются прогнозы. Оно исчезает, когда человек, общество и государство перестают связывать сегодняшние решения с отдалёнными последствиями.

Эта книга — о цивилизации, которая ещё функционирует, но уже не способна создавать продолжение. Политика удерживает настоящее, экономика переносит издержки вперёд, технологии всё чаще управляют доступом и поведением, а свобода сводится к выбору внутри чужой архитектуры.

Автор исследует исчезновение долгого горизонта, инфантилизацию общества, идеологическую и цифровую анестезию, превращение гуманистического языка в инструмент управления, приближение коллапса и возможность человека сохранить субъектность без гарантий и готовых ответов.

Здесь нет обещания спасения и проекта идеального будущего. Главный вопрос книги жёстче: может ли новая форма совместной жизни возникнуть, не превратив человека в материал очередной системы?

Содержание

Благодарность	4
Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Будущее, которого может не быть

Благодарность

Я искренне благодарю Марию Хомутову за участие в работе над этой книгой — за внимательность, точность, терпение и честную обратную связь. Она замечала то, что ускользало от моего взгляда, помогала проверять мысли на прочность и яснее выражать главное. Во многом благодаря её участию книга стала такой, какой она есть.

Предисловие

Эта книга не предлагает выхода и не обещает будущего. Она фиксирует границу — момент, в котором прежняя форма человека, общества и мышления перестаёт быть рабочей.

Речь идёт не о кризисе в привычном смысле. Кризисы предполагают восстановление, возврат и коррекцию курса. Здесь описывается иное состояние: когда накопленные противоречия больше не решаются в рамках старой логики, а любые попытки «починить» систему лишь ускоряют её распад.

Эта книга не о прогнозах и не о сценариях будущего. Она о настоящем — о том, как выглядит мир в точке, где исчезает горизонт продолжения, когда привычные основания — экономические, политические, культурные и психологические — перестают выполнять связывающую функцию.

Текст фиксирует происходящее, не подменяя его обещаниями и проектами. Его задача — назвать происходящее и тем самым обозначить предел старого мира.

Глава I

— Когда будущее существовало

Привычный нам современный мир — это результат двух последних веков непрерывного расширения. Предыдущие эпохи знали развитие, кризисы и откаты, но именно в этот период будущее стало массовой, системной и психологически рабочей категорией. Рост энергии создавал рост производства, рост производства — рост богатства и классов, рост классов — легитимность институтов и уверенность в будущем. Это не требовало ни понимания, ни объяснений: форма жизни была задана системой. Так просто было принято жить, и никто не задумывался, почему. Человек шёл в школу, потом в университет, затем на работу, набирал стаж и выходил на пенсию. Государства строили инфраструктуру на десятилетия вперёд, компании планировали инвестиции и окупаемость, семьи брали кредиты на тридцать лет, а идеологии занимались распределением будущего: завтра обещали всем — просто в разных моделях.

Будущее служило горизонтом и оправданием. Его можно было не формулировать, но на него опирались все — чиновники, банкиры, инженеры, учителя и родители. Экономика использовала будущее как горизонт планирования, а психика — как смысл терпения и вложения: человек терпел

неудобства настоящего, потому что считал это вложением в завтра. Многие люди разделяли это ожидание, и из множества частных ожиданий складывалось коллективное. Коллективное ожидание становилось общественным сознанием, а общественное сознание — основой институтов и экономики. Будущее существовало одновременно в двух измерениях: как системная категория и как внутренний ориентир. Оно связывало личные биографии с долгими проектами общества.

В этом мире не требовалось постоянно подтверждать смысл происходящего. Сама структура жизни давала ощущение направленности. Усилие имело продолжение, дисциплина — оправдание, отсрочка желаний — понятную цель. Будущее не воспринималось как обещание или гипотеза — оно ощущалось как нормальное продолжение настоящего.

Всё это выглядело как отлаженная система, способная поддерживать свою сложность и обслуживать расширение, и повседневная реальность подтверждала это ощущение: инфраструктура развивалась, логистика расширялась, города росли, производство усложнялось, образование передавало накопленные знания, институты воспроизводили себя. Даже кризисы воспринимались как временные сбои внутри устойчивой траектории, а не как угроза самой логике движения. Идеологии различались, но сходились в главном: они распределяли будущее, а не ставили его под вопрос. Споры шли о формах, темпах и справедливости, но не о самом факте

существования завтрашнего дня. Будущее считалось заданным — предметом спора, но не сомнения.

В этом мире человек жил внутри будущего и не нуждался в его осмыслении.

Однако сам факт длинного горизонта ещё не означал, что человек был зрелым субъектом и сам удерживал будущее внутри. Во многих случаях он двигался далеко не потому, что осознанно выбирал направление, а потому, что направление было встроено в повседневность. Система заранее выдавала черновик биографии: образование, работа, семья, стаж, пенсия. Человек мог прожить всю жизнь, ни разу не задав вопроса, почему именно эта последовательность должна быть его жизнью.

Система не только организовывала внешнее движение. Она снимала необходимость постоянно отвечать за его смысл. Формула была простой: если делать то, что требуется, результат наступит позже. Даже когда обещание было упрощённым или ложным, оно избавляло человека от главного экзистенциального риска — от необходимости самому определять, кто он и ради чего продолжает движение.

Поэтому исчезновение будущего разрушает не только планы. Оно разрушает готовую форму человека, привыкшего получать направление извне. Но формирование мышления системой не означает, что система исчерпывает личность. Она создаёт привычки, ограничения и способы адаптации, однако внутренний акт выбора остаётся отдельной ка-

тегорией. Пока внешний порядок работал, эта граница почти не была видна.

Глава II

— Когда будущее исчезло

Будущее не исчезает в один день. Сначала оно перестаёт быть проектом и становится ожиданием, затем перестаёт быть ожиданием и превращается в фон, а после исчезает даже как фон. В мире, где расширение замедляется и разворачивается, реформы становятся невозможными не потому, что кто-то мешает, а потому что реформировать уже нечего в рамках прежней логики. Реформа — это всегда перенос системы в новое состояние, а не косметический ремонт. Она требует трёх условий: времени, вектора и смысла. Время нужно, чтобы переходить из одного состояния в другое; вектор — чтобы понимать, куда именно двигаться; смысл — чтобы люди соглашались терпеть дискомфорт перехода. Когда будущего больше нет, времени «на потом» не остаётся, вектор исчезает, а смысл подменяется набором локальных оправданий. Тогда реформы уступают место стагнации: вместо «менять систему, чтобы жить иначе» начинается «замазывать трещины, чтобы продлить существование старого».

Ин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.